

На поляхъ минувшихъ битвъ.

Всѣмъ уже, конечно, извѣстно, что отступавшими австрійцами города и мѣстечки обращены въ развалины, жители, ставшіе въ одну недѣлю нищими, просятъ милостыню на перекресткахъ дорогъ, иные бродятъ еще по лѣсамъ и болотамъ, подбирая оружіе, одежду, мѣдь; вытоптаны картофельныя и свекловичныя поля, уведены австрійцами, зарѣзаны скотъ.

И самое тяжелое при взглядѣ на это бѣдствіе—смиранный видъ пришибленнаго населенія. Тамъ каждый человѣкъ пережилъ ужасъ войны. Это чувство особенное по своей угнетающей силѣ, оно глубже, чѣмъ страхъ смерти. Отъ него человѣкъ дичаетъ, личность превращается въ ничто: каждый на опытъ противопоставляетъ себѣ стихійную, желѣзную силу событій. Послѣ такого противопоставленія человѣкъ, какъ собака, бѣжитъ въ лѣса, въ болота, подалеже, чтобы не видѣть полей, устланныхъ трупами, ночныхъ заревъ.

Въ давнія времена, въ лихолѣтья, спасавшееся отъ бѣдъ войны населеніе слагало въ лѣсахъ дикія, полныя мистическаго ужаса пѣсни о падающемъ съ неба огнѣ, о псахъ, пожирающихъ трупы, о стаяхъ вороновъ, о желѣзныхъ войнахъ, которые не щадятъ ни женщинъ, ни стариковъ, поднимаютъ младенцевъ на копье.

То было въ прошлыя времена. Я же ѣхалъ на лошадахъ 7-го сентября 1914 года, т. е. въ вѣкъ, которому присвоено названіе „культурнаго“, проповѣдники-же этого послѣдняго слова называются „культуртрегерами“ и живутъ главнымъ образомъ въ Германіи.

Поэтому я былъ несказанно удивленъ, когда за недѣлю поѣздки увидѣлъ своими глазами все то, что зналъ изъ лѣтописей и старинныхъ пѣсенъ.

Отступающіе австрійцы постарались внушить населенію ужасъ войны. Не было ничего ими забыто для этого. Возьму, для примѣра, одну деревню. Въ лѣсистыхъ горахъ надъ ней восемь сутокъ австрійскія батареи сопротивлялись нашему натиску, пока, сломленные, наконецъ, не бѣжали, бросая орудія, паркы, обозы. Уходя, они все превратили въ пустыню.

Я подъѣзжалъ къ этой деревнѣ днемъ, дулъ сильный вѣтеръ, было холодно и ясно. Вокругъ поля сплошь изрыты окопами. На перекресткѣ у фигуры—высокаго креста,—стояло нѣсколько женщинъ и дѣтей, они протягивали ко мнѣ руки, крича: „панъ, панъ, панъ“. Направо, на болотѣ, гдѣ течетъ рѣка, нѣсколько собакъ драго конскую падаль, нѣсколько собакъ спало, свернувшись: говорятъ, что за арміей бѣгають ихъ тысячи. Сзади на полугорѣ торчали обгорѣлыя трубы, опаленныя деревья небольшого сельца, впереди—такое же пожарище. Вдалекѣ тянулись военные обозы съ хлѣбомъ. Должно быть, возбужденная видомъ этихъ сотенъ телѣтъ съ печенымъ хлѣбомъ косматая баба, старая, сухая, въ развѣвающихся изодранныхъ платкахъ, преградила мнѣ дорогу и широко развѣвая беззубый ротъ, махая руками, начала кричать на какомъ-то славянскомъ нарѣчій... Я мало понималъ, ямщикъ-же мнѣ перевелъ — у нея австрійцы закололи внука, двѣнадцатилѣтняго мальчика, угнали скотъ, вытоптали поле, сожгли домъ, она уже пять дней ничего не ѣла и не знаетъ, куда ей уйти. „Панъ, панъ, дай денегъ“... закричала старуха, и затѣмъ пошла быстро по дорогѣ, все еще махая рукой. Вѣтеръ развѣвалъ ея грязныя платки. Иныя женщины прямо подбѣгали къ экипажу, пытались поймать и поцѣловать руку... Здѣсь рассказали мнѣ, что въ деревнѣ, въ большихъ подвалахъ помѣщичьяго дома, спрятались при видѣ австрійцевъ около двухсотъ человѣкъ... Кто то изъ спрятавшихся полюбоществовалъ и высунулся подъ вечеръ изъ окна: австрійцы озружили домъ и принялись стрѣлять внизъ, въ подвальные окошки. Затѣмъ вывели оставшихся въ живыхъ и прогнали въ лѣсъ.

Читалъ про Лувенъ, Реймсъ, Малинъ, тамъ „культуртрегеры“ дѣйствовали, очевидно, какъ опытный фехтовальщикъ—старались довести противника до бѣлаго каленія, чтобы онъ, забывъ осторожность, самъ напоролся на остріе; тамъ они рѣшили демонстративно наплевать въ лицо прекрасной Европѣ, доказать, что если мѣръ противъ нихъ, то они уничтожаютъ самый мѣръ.

Но что заставляетъ австрійцевъ опустошать оставляемую страну?—Должно быть „культуртрегерская“ идея,—чтобы „ни себѣ, ни людямъ“.

Наступаютъ холода, необходима самая скорая, самая щедрая помощь.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.